

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА Нежданова умерла, когда мне еще не исполнилось одиннадцати лет. Что я мог знать о ней тогда, живя далеко от Москвы, в придонской станице? Как в моей давнишней фонотеке очутилась пластинка, на зеленой наклейке которой было написано: «А. В. Нежданова»? Не помню. Скорее всего, я скушал «всю музыку», что появлялась на прилавках районного культмага, ведь отца моего только что премировали новеньким блестящим патефоном! С утра до вечера я слушал горячо полюбившиеся мне мелодии народных песен. До поры до времени нетронутыми оставались лежать в конвертах лишь не понятные сельскому мальчишке «арии». Среди прочих был и этот, уникальный теперь диск. Мог ли я предполагать, что спустя двадцать лет он окажется в числе драгоценнейших приобретений моей коллекции?!

Прекрасное всегда приходит внезапно. И именно потому оно живет в нас долгие годы как составная часть нашего бытия, как однажды посетившая нас первая любовь... Сейчас, когда я пишу строки, посвященные «русскому соловью» (так назвала Антонину Васильевну Нежданову музыкальная критика), мою комнату словно наполняет весенний воздух безоблачных звуков, теплый свет которых рождался в глубине души. Я думаю, какая это нечаянная духовная радость для любого из нас, живущих на земле, — пение Неждановой, золотой голос прекрасного существа, явившегося на свет ровно сто лет назад... С тех пор человечество в своем развитии ушло уже далеко. Но как бы ни был стремителен прогресс, как бы ни научились управлять человек жизнью и природой, он все равно не в состоянии объяснить загадку рождения таланта и особенно такого тайного и хрупкого, как голос певца. Пройдет время. Техническое совершенство, воображаемое сейчас лишь дерзким умом фантаста, станет явью, и на этом фоне даже ошеломляющие, кажущиеся в наши дни эпохальными открытия, может быть, предстанут рядовыми, обычными и восприниматься будут они человеком тех лет так, как мы сейчас воспринимаем изобретение водопровода в Древнем Риме. Иное дело искусство. Каждое его подлинное завоевание наши потомки оценят в сто, в тысячу раз больше, чем сейчас, ибо из глубины веков оно пламенным светом своим будет сохранять душу человека.

Чудесный голос певца — крайне редкое гармоническое явление природы, и потому все, созданное им, обретает право бессмертия. Но тут надо сказать вот что. Если какие-то творения живописца, композитора или писателя могут быть не замечены при жизни их создателей и подлинно высокую оценку получить лишь у потомков, то вокально-исполнительское искусство это исключает. Гений певца и актера должен быть в полную меру оценен современниками. А современники Неждановой говорили восхищенно:

«Я понимаю теперь, почему я дожил до 70 лет — чтобы услышать лучшее из творений природы».

Эти слова Бернард Шоу написал на портрете, подаренном им Антонине Васильевне Неждановой, очаровавшей его своим пением. Несколько лет спустя певицу восторженно приветствовал другой великий художник:

«Вы, как птица, поете потому, что Вам надо петь, что Вы не можете не петь, и Вы одна из тех немногих, которые будут превосходно петь до конца Ваших дней, потому что Вы для этого рождены на свет. Вы — Орфей в женском платье, который никогда не разобьет своей лиры».

Так писал в канун тридцатилетнего юбилея артистической деятельности Неждановой яростный поклонник ее таланта и верный друг — Константин Сер-

геевич Станиславский. Впрочем, вряд ли среди ее слушателей когда-либо находился человек, не попавший под власть этого волшебного голоса.

Путь на сцену и тем более путь к славе редко бывает легок. Талант помножен на величайший труд и неизмеримое желание служить музам. Подтверждение тому — история жизни А. В. Неждановой. Она упрямо мечтала об артистической карьере, хотя мечты эти во многом были сначала несбыточны. И единственное отчетливое желание юной девушки из учительской семьи села Кривая Балка, что в трех верстах от Одессы, выразилось словами: «Хочу петь!». Еще семилетним ребенком она очаровывала селян своим голосом. Казалось, с самого начала судьба направляла ее на путь искусства. Но нет, сперва нужно было изведать многое. Отец не желал видеть свою дочь на сцене — он понимал, как горек хлеб, заработанный на подмостках провинциальных театров. А солисткой оперы себя не могла предполагать и сама Тоня.

Гимназические годы Неждановой полны вдохновенных грез, восхищения и восторга каждым музыкальным явлением одесской жизни. Осуществлена давняя мечта — одновременные занятия в музыкальном училище, — но жизнь готовит будущей певице тяжелые испытания. Умирает отец. Большое семейство остается фактически без средств существования. По выходе из гимназии путь девушки лежит в одну из школ Одессы: наступают годы учительства, частных уроков и постоянно преследующей нужды. Одновременно это годы становления характера и укрепления единственного в жизни желания — петь.

Как во многих артистических судьбах, все решил случай. Некто доктор Бурда, по-видимому, один из многих безымянных ревнителей искусства, услышав девушку, убедил ее поехать в столицу, в консерваторию, дал ей на поездку денег. Дальше все закружилось, как в

ошеломительно счастливом сне: в середине учебного года Нежданову принимают в Московскую консерваторию. Занятия с профессором Умберто Мазетти идут столь успешно, что за три года ученица проходит пятигодичный курс, затем успех в студенческом спектакле, замеченный даже прессой, затем... — страшно даже подумать! — внезапный и неопишуемый успех на сцене Большого театра. Лучшие из музыкальных знатоков откликнулись на это выступление, пророча новой певице большое будущее. В это время Нежданова готовилась к последнему концерту в консерватории. Позади остались трудные и не всегда сытые студенческие дни. Но память наша устроена странно: со временем лишения молодости забываются и бережно хранится лишь светлое время юных дней. Антонина Васильевна тоже впоследствии редко вспоминала, что на выпускной экзамен одна из подруг одолжила ей платье, другая — пояс... Впрочем, что значили для нее тогда платье и пояс, если произошло невероятное, доселе неслыханное в стенах консерватории — коллегия профессоров единогласно присудила золотую медаль певице Неждановой, в первый раз нарушив традицию, по которой этим

сы в лицо артистке. Нежданова весьма вежливо заметила, что она не привыкла петь, когда курят. Карузо пренебрежительно ее осмотрел, но папироску бросил. Репетицировали аполлолоса. Начали второй акт, лицо Карузо делалось все презрительнее, гомон хористок все громче. Свою арию Нежданова неожиданно взяла полным голосом. С первой трелью хористки смолкли, раздалось только их экспансивное французское «а». Презрение мгновенно сошло с лица Карузо. Он успел шепнуть: «о-ла-ла» — и стал чрезвычайно почитателем с русской певицей».

На спектакль пришли клакеры, от услуг которых Антонина Васильевна, конечно же, отказалась. На следующий день газеты писали:

«Успех Неждановой, певицы, еще не известной Парижу, затмил успех ее знаменитых партнеров — Карузо и Титто Руффо».

Жизнь Антонины Васильевны на сцене длилась более тридцати лет. За это время она спела почти весь классический репертуар колоратурного сопрано. Звездный, родниковой чистоты голос, связывающий в одну ровную линию слово и мелодию, был неуязвим. Он взлетал на такую высоту, с которой, казалось, вот-вот упадет и разобьется на тысячи хрустальных осколков. Знаменитый алябьевский «Соловей», бессмертная Царица ночи Моцарта, сказочная Шемаханская царица Римского-Корсакова! Сколько наслаждения приносили они слушателям в исполнении Неждановой, какие чувства вызывали!

Русская школа пения в лице своих выдающихся представителей Ф. Шаляпина, Л. Собиннова, А. Неждановой, Н. Обуховой проложила самобытную и неповторимую дорогу. В чем же состояло ее коренное отличие от знаменитой итальянской или, например, французской школы? Как слушатель, как человек, находящийся в музыке для души своей вечную целебную силу, могу обозначить эту особенность так. Усилия нашей вокалистики направлены в первую очередь на выявление «цвета» голоса. Да, я не оговорился — не силы, не виртуозности, а именно цвета, который как бы стоит перед глазами слушателя, вызывая зрительные ассоциации. Мне думается, что отчасти это определяется тем, что наша школа в основе своей имеет безукоризненную народную культуру пения, требующую выявления сюжетной канвы музыкального произведения — его словесной, поэтической основы. Недаром народ говорит: «Из песни слова не выкинешь». Опираясь на единство слова и мелодии, русские композиторы создали лучшие отечественные оперы, тесно связанные с классикой литературы. И, наверное, потому многие гениальные творения лирики XIX века были положены на музыку. Слушаешь их и испытываешь почти неземное наслаждение, пленяясь мистическим совершенством, невообразимой физической мощью голоса и великим проникновением в поэзию.

...А сейчас передо мной вращается та самая давняя пластинка с записью голоса Неждановой, и кажется, где-то внутри моего существа все поет и трепещет. Совсем недавно, листая томик марковского издания стихотворений Ивана Ивановича Козлова, полузабытого в наши дни поэта пушкинской поры, я нашел удивительные строки о пении. Большой и к тому времени уже совсем слепой поэт однажды услышал:

*Вчера ты пела. Голос нежный,
Рассеяв мрак мой безнадежный,
Бесцельной дышит чистотой;
Он веет радость надо мной,
Он веет сладкое томленье.
И сердцу он напомнил вновь
Бесценное души волненье —
Младую первую любовь.
Я изумлен... мой дух трепещет...
Твой голос — нежности привет,
В нем что-то радужное блещет,
В нем то, чему здесь имя нет.*

Удивление поэта, без сомнения, можно перенести на творчество А. В. Неждановой, чья жизнь была подвигом искусства, способным по сей день вызывать святое и бесценное волнение души.

...На улице Неждановой, в последней квартире певицы в эти дни тихо. На старом роле, что стоит в углу гостиной, кажется, замерли звуки. Но если закрыть на мгновение глаза, то можно услышать чудесную мелодию «Вокализа», посвященного С. В. Рахманиновым любимой певице... Заботливая хозяйка музея Марина Ивановна Голгофская рассказывает мне о жизни Антонины Васильевны, я рассматриваю разложенные передо мной на столе фотографии и словно бы переношусь в давние годы. Мне кажется, сейчас откроется дверь и войдет ОНА в серебряном наряде Снегурочки или промелькнет в сумеречном свете вечера узорчатый платок Марфы. Образов, созданных ею, не счесть, но все они с нами сегодня, став частью духовной культуры великого народа, которому посвятила свое щедрое творчество Антонина Нежданова, русский соловей.

РУССКИЙ СОЛОВЕЙ

К 100-летию со дня рождения А. В. НЕЖДАНОВОЙ

Борис ПРИМЕРОВ

высшим знаком отличия награждали лишь музыкантов...

А жизнь шла своим чередом. Театральная машина по тем временам представляла собой сложный механизм, и получить место в труппе Большого театра, несмотря на очевидное признание певицы слушателями и критикой, оказалось нелегко. Вакансий не было, а контракты, подписанные дирекцией императорских театров с ведущими солистками, расторгнуть бы не могли. И все-таки после ряда мытарств Нежданову приняли на Большую сцену. Пришла настоящая слава. Но, по воспоминаниям В. И. Немировича-Данченко, «как артистка, она была гораздо выше своей славы». Отчасти этому способствовали характер Антонины Васильевны, ее неприятие всего показного, легковесного, случайного. Во имя искусства она отказывалась от многих соблазнов и внешних благ жизни популярной актрисы. Она предпочитала заграничным турне, сулившим ей мировую певческую корону, поездки по России — в какой-нибудь Саратов или Казань. Ей, с детства не привыкшей к роскоши и суетности, европейская жизнь казалась неприемлемой, а рекламный блеск — мишурой. И все-таки она покорила Европу.

В 1912 году в «Гранд Опера» был устроен спектакль в пользу жертв военной авиации. Приглашены были для участия в «Риголетто» певцы с мировыми именами: Энрико Карузо и Титто Руффо. Третьей была не известная западно-европейской публике наша Нежданова. Рассказывают, это происходило так:

«...Зная отношение к русским варварам, артистка решила приобрести «совсем парижский» вид. Одета парижским портным, она подъехала к «Гранд Опера». Ее встретил привратник заносчивым: — Вам куда? — На репетицию. — Он окинул ее грозным, презрительным взглядом: — Вы? На репетицию? Кого же вы собираетесь петь? — Пред величием парижского привратника артистка совсем оробела: — Дожильду. — Дожильду? Вы? (Театральные служители — всегда опытные меломаны.) Но вы совсем не похожи на артистку. — Почему же не похожа? — Нежданова несколько испуганно осмотрела свой костюм — нет ли каких дефектов. — Потому что... — привратник не договорил, а сделал жест, один из тех красноречивых жестов, какими так ловко разговаривают парижане. Этот жест говорил: «Вы не похожи на подобных женщин». Он милостиво и величаво впустил артистку в подъезд «Гранд Опера».

Взглянув на сцену, Нежданова поняла, о чем говорил привратник. На лицах артисток и статисток «для жизни» был положен такой слой грима, какой она не решалась накладывать для сцены. Они очень громко и резко смеялись, очень шумно вскрикивали, и на всех были удивительные чулки. Во время репетиции они громко шептались, жестикулировали, а Карузо, не переставая, курил папирос-